

О. Г. Лазаренкова

**ПРАВО УДЕРЖАНИЯ И САМОЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ:
КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ**

Работа представлена кафедрой гражданского права.

Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор А. А. Молчанов

В статье предпринята попытка автора изложить свои взгляды на соотношение права удержания как обеспечительного способа и самозащиты гражданских прав.

The author of the article examines the correlation between the right to retain possession as a security method and self-defence of civil rights.

После закрепления в ГК РФ удержания как общегражданского способа обеспечения исполнения обязательств в научной литературе достаточно широкое распространение получила точка зрения о нем, как об особом случае самозащиты гражданских прав. Однако когда появились первые, более глубокие исследования в этой области, возникало и иное мнение: право удержания не является способом самозащиты – это различные гражданско-правовые институты.

Действительно, право удержания и самозащита гражданских прав имеют между собой известное сходство, заключающееся в применении субъектами действий одностороннего характера в ответ на нарушение права, поэтому не случайно на всех исторических этапах формирования этих институтов затрагивался вопрос об их соотношении и выделении критериев для разграничения. Например, возникают коллизии, связанные с захватом имущества, чтобы побудить должника к выплате долга, отказ в возврате арендованного имущества, захват земельных участков, квартир и т. д. Необходимо четко определиться, в каких случаях возникает право удержания, регулируемое гражданским законодательством, в каких случаях самозащита, а в каких уголовно-наказуемое деяние – самоуправство, с которым самозащита имеет пограничный характер.

Следует отметить, что в силу новизны и недостаточности законодательного регулирования удержания и самозащиты почти отсутствует судебная практика. Эти общие проблемы оказали влияние и на решение частной проблемы о соотношении удержания и самозащиты, по этому вопросу до сих пор не выработано единой позиции в цивилистической доктрине. Как уже было отмечено, мнения ученых разделились.

Так, М. И. Брагинский утверждает: «Всем перечисленным признакам самозащиты отвечает, в частности, один из выделенных Кодексом (ст. 359 и 360) способ обеспечения исполнения обязательств – удержание»¹.

Аналогичную позицию заняли такие авторы, как Э. Л. Страунинг², В. А. Хохлов³, Б. Д. Завидов, М. С. Кораблева, А. В. Стремюхов, С. Н. Веретенникова, Д. В. Новак, Е. Е. Богданова и др.⁴

С ними не соглашаются С. В. Сарбаш, Т. А. Фаддеева, Б. М. Гонгало, Н. В. Южанин, Л. Н. Якушина и др., полагая, что это различные гражданско-правовые институты⁵. Рассмотрим, какие доводы приводят названные ученые в обоснование своей точки зрения.

В частности, Т. А. Фаддеева обращает внимание на такой отличительный признак удержания, как необходимость реализации удерживаемой вещи в юрисдикционном порядке, в то время как самозащитой достигается восстановление нарушенного права без обращения в суд или иные правозащитные органы⁶.

Первым наиболее четко и последовательно проводит различие между удержанием и самозащитой С. В. Сарбаш, который приходит к вполне определенным выводам, что удержание является родственной и близкой по форме своего существования конструкцией по отношению к самозащите, но между тем это различные гражданско-правовые институты. Его доводы сводятся к следующему: к удержанию не применимы принципы соразмерности и адекватности, как при самозащите; его можно применять независимо от наличия или отсутствия возможности прибегнуть к помощи государственных органов; самозащита применяется против неправомерного посягательства нарушителя на право

защищающегося, в то время как при удержании в действиях лица, которое истребует вещь, нельзя усмотреть неправомерность. Самозащита может применяться и в том случае, если вред еще не нанесен, а есть только вероятность нанесения вреда⁷.

С аргументацией С. В. Сарбаша согласилась и Л. Н. Якушина, которая посвятила свое диссертационное исследование праву удержания. При этом она указывает еще на один дополнительный отличительный признак права удержания и самозащиты гражданских прав: различие в субъектах. Самозащита осуществляется только физическими лицами, в то время как действия по праву удержания могут осуществляться как физическими, так и юридическими лицами⁸.

Несмотря на убедительные выводы С. В. Сарбаша, они не положили конец научной дискуссии, и это наводит на мысль, что суть проблемы кроется не только в тех критериях разграничения, которые он выявил.

Данный тезис подтверждают исследования Н. В. Южанина, который обращает внимание, что различные толкования возникли вследствие отсутствия четкого понимания, что представляет собой самозащита. Легального определения самозащиты в законе нет; в цивилистической же доктрине не выработано единого понятия, а сложились различные подходы к ее пониманию. Наиболее подробный анализ этих подходов представили в одной из своих работ Г. А. Свердлык и Э. Л. Страунинг⁹.

Однако, рассуждая дальше, мы пришли к заключению: даже если понимать самозащиту в широком смысле слова, как допускаемую и в договорных отношениях, право удержания тем не менее не будет являться ее способом. Поэтому с утверждением Н. В. Южанина согласимся лишь отчасти. Ведь сторонники самозащиты в «широком смысле слова» относят к способам самозащиты в договорных отношениях так называемые меры оперативного воздей-

ствия, а поскольку именно к ним они причисляют право удержания, с их позиции делается логичный вывод: право удержания – это способ самозащиты гражданских прав. Представляется не совсем правильным так категорично отождествлять право удержания с мерой оперативного воздействия.

Следует обратить внимание, что на определение места права удержания в системе гражданско-правовых средств значительное влияние оказали взгляды цивилиста советского периода В. П. Грибанова. Именно он в свое время обосновал позицию об отнесении мер оперативного воздействия к способам обеспечения исполнения обязательств, причислив к ним и удержание, которое тогда не находило законодательного закрепления, а соответственно, и своего места в системе гражданско-правовых институтов. Но и тогда эти меры В. П. Грибанов отграничивал от самозащиты, что упускается из виду некоторыми современными исследователями. С. В. Сарбаш справедливо отмечает, что в юридической литературе, относящейся к периоду до принятия нового Гражданского кодекса, было предложено относить право удержания к мерам оперативного воздействия. В то время, как он полагает, это было обосновано, так как в законодательстве и в праве праву удержания другого места не нашлось. Сейчас оно отнесено к способам обеспечения исполнения обязательств и представляет собой самостоятельный гражданско-правовой институт¹⁰. Несмотря на это, многие современные последователи В. П. Грибанова продолжают относить право удержания к так называемым мерам оперативного воздействия. В настоящее время разрешение вопроса о соотношении удержания и мер оперативного воздействия осложняется тем, что само понятие «меры оперативного воздействия» не находит законодательного закрепления, а существует только в научном обиходе как результат научной классификации отдельно за-

крепленных законодательных конструкций. Мы полагаем, что разрешить вопрос об их соотношении можно, обратившись к изучению действия обеспечительного механизма права удержания. Право удержания – это сложная конструкция, состоящая из двух взаимосвязанных элементов, и, что важно, для достижения цели удержания необходима совокупность этих элементов. Достигнет своей цели право удержания только в том случае, если кредитор не просто удерживает вещь, а удерживает именно под угрозой для должника превратить ее в предмет залога. На первом этапе приведения в действие механизма применения права удержания – «собственно удержание вещи», действия кредитора действительно можно квалифицировать как меры опера-

тивного характера (их мы не отождествляем с самозащитой). Второй же элемент – реализация вещи по правилам залога – полностью выходит за рамки меры оперативного воздействия, это уже юрисдикционная мера. Поэтому право удержания в целом нельзя отождествлять с мерами оперативного воздействия. А поскольку именно на основе этого признака его относят к способам самозащиты гражданских прав, применяемых в договорных отношениях, отпадают основания для подобного утверждения. В этом смысле позиция сторонников широкого толкования самозащиты, основанная на отождествлении права удержания с мерами оперативного воздействия, а соответственно, и с самозащитой гражданских прав, не выдерживает критики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Брагинский М. И. Научно-практический комментарий к части первой Гражданского кодекса РФ для предпринимателей. 2-е изд. М.: Спарк, 1999. С. 78.

² Страунинг Л. Э. Самозащита гражданских прав: Дис. на соис. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1999. С. 112.

³ Хохлов В. А. Обеспечение исполнения обязательств. Самара, 1997. С. 42.

⁴ Завидов Б. Д. Удержание как один из способов обеспечения обязательств // Юрист. 1998. № 11–12. С. 26.

⁵ Фаддеева Т. А. Способы обеспечения исполнения обязательств // Учебник гражданского права: В 3 т. / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 2000. Т. 1. С. 587; Гонгало Б. М. Обеспечение исполнения обязательств. М.: Спарк, 1999. С. 99; Южанин Н. В. Самозащита и удержание как способ обеспечения исполнения обязательств // Юрист. 2001. № 8. С. 15–16; Сарбаш С. В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств: Дис. на соис. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1998. С. 254–255.

⁶ Фаддеева Т. А. Указ соч. С. 587.

⁷ Сарбаш С. В. Право удержания и самозащита // Юридический мир. 1998. № 8. С. 47.

⁸ Якушина Л. Н. Удержание в системе способов обеспечения исполнения обязательств: Автореф. дис. на соис. учен. степени канд. юрид. наук. Казань. 2002. С. 16.

⁹ Свердлык Г. А., Страунинг Л. Э. Понятие и юридическая природа самозащиты гражданских прав // Государство и право. 1998. № 5. С. 17.

¹⁰ Сарбаш С. В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств. С. 254–255.